

СЕРГЕЙ ГАЛИЦКИЙ

ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ

Сергей Геннадьевич Галицкий

Первая чеченская

Серия «Они защищали отечество»

*Текст предоставлен правообладателем
Первая чеченская:*

Аннотация

Книга «Первая чеченская» – одна из шести книг библиотеки военной документальной прозы «От Берлина до Дамаска» серии «Они защищали Отечество». От первого лица повествование ведут участники боевых действий на Северном Кавказе Герой России А.И. Пегишев, Герой России А.В. Шевелёв, Герой России В.В. Недобежкин, Герой России А.Ю. Гуцин, кавалеры ордена Мужества В.О. Сидельников, В.А. Господ, С.Б. Яновский и многие другие.

Содержание

От автора	4
В декабре девяносто четвёртого...	5
Подвиг разведчика	18
«Док». Первая чеченская	34
Краткая биографическая справка	35
Штурм Грозного. Совмин	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Геннадьевич Галицкий Первая чеченская

От автора

О смысле Первой чеченской военной кампании многие не знали. Некоторые его не понимали, другие не хотели ни знать, ни понимать. Но эта война была... Я считаю, что очень важно рассказать нашим детям о том, с чем тогда пришлось столкнуться нашим солдатам и офицерам в Чечне. Что помогло им преодолеть тяжелейшие испытания во время этой абсолютно неподготовленной и плохо организованной военной операции? Что навсегда оставило незаживающие раны в их душах? Благодаря чему в невыносимых условиях они всё-таки сумели с честью исполнить свой воинский долг? На эти вопросы в книге от первого лица ответят Герой России А.И. Пегишев, Герой России А.В. Шевелёв, Герой России В.В. Недобежкин, Герой России А.Ю. Гушин, кавалеры ордена Мужества В.О. Сидельников, В.А. Господ, С.Б. Яновский и многие другие.

В декабре девяносто четвёртого...

Рассказывает полковник Павел Яковлевич Поповских – начальник разведки Воздушно-десантных войск в 1990–1997 годах:

– К 18 декабря 1994 года наши войска уже неделю как продвигались по территории Чечни в направлении Грозного. В то время СКВО (Северо-Кавказским военным округом. – Ред.) и Объединённой группировкой войск командовал генерал-полковник Митюхин. Северная группировка под командованием заместителя командующего ВДВ генерал-лейтенанта Алексея Алексеевича Сигуткина подходила к Долинскому, посёлку на северо-западной окраине Старопромысловского района Грозного. Сигуткин не повёл группировку по дорогам, а прошёл по Сунженскому хребту, обойдя все посты и засады. Поэтому он первым подходил к Грозному с северного направления.

Колонну сопровождала пара вертолётов МИ-24, которые вели воздушную разведку и при необходимости могли наносить удары НУРСами (неуправляемый реактивный снаряд. – Ред.). Полётами вертолётов управлял командующий авиацией СКВО генерал Иванников, который находился в Моздоке на ЦБУ (Центр боевого управления. – Ред.) авиации Северо-Кавказского военного округа. Кроме экипажей в вертолётах находились офицеры-разведчики 45-го полка специ-

ального назначения ВДВ. С ними радиосвязь поддерживал начальник оперативно-разведывательного отделения полка майор В.Л. Ерсак.

В тех условиях это был весьма эффективный способ разведки. Ведь пилоты в основном заняты управлением вертолётom и его вооружением. А разведчики нацелены именно на наблюдение за местностью и противником на земле. Естественно, они и видят дальше, и понимают в наземной тактике больше. На окраине Долинского именно наши разведчики обнаружили отряд противника, два танка и пусковую установку БМ-21 «Град», которые были укрыты за строениями.

Пилоты и разведчики, каждые по своим каналам, докладывают командованию группировки о противнике, в том числе и об установке БМ-21 и танках, указывают их местоположение. Генерал Алексей Сигуткин немедленно разворачивает колонну в боевой порядок и даёт команду вертолётom на поражение выявленных целей. Но у вертолётчиков есть свой прямой начальник!.. Командир звена докладывает генералу Иванникову и просит у него разрешения нанести удар на поражение. Иванников отвечает: «Подождите, я спрошу у Главного». Главным у Иванникова был генерал Митюхин.

Буквально через минуту Иванников передаёт пилотам приказ Митюхина, запрещающий наносить удар по выявленным целям, мотивируя это решение наличием в том месте нефтепровода. Сигуткин даёт команду своим разведчикам и артиллеристам на доразведку и подавление целей. Но пере-

сечённый рельеф местности и расстояние не позволили сразу непосредственно увидеть противника и немедленно дать огневым средствам целеуказание на поражение.

В это время вертолёты, которые по плану должны меняться каждые два часа, уходят на замену. Пока другая пара ещё не заняла своё место в боевом порядке, один танк противника выходит из-за укрытия и становится на противоположном от Сигуткина склоне хребта, показывая расчёту установки БМ-21 «Град» направление стрельбы. Ведь чеченские танкисты из башни видят наши боевые порядки, но сам танк остаётся скрытым от наблюдения за гребнем холма, и наши наблюдатели его не видят! Расчёту установки остаётся только развернуться в направлении, которое задаёт своим положением танк, и выставить на прицеле дальность до наших войск. После этого установка производит залп всеми своими сорока ракетами калибра 122 мм каждый...

Если бы колонна вовремя не развернулась в цепь, потери могли быть очень большими. Ракеты от «Града» всегда ложатся сильно вытянутым эллипсом. Если таким эллипсом накрыть колонну вдоль, то каждый третий снаряд может найти цель.

От этого залпа было прямое попадание реактивного снаряда в автомобиль «ГАЗ-66» и бронированную машину управления огнём артиллерии. В ней, кроме экипажа, находился полковник Фролов, начальник артиллерии 106-й воздушно-десантной дивизии, и старший офицер из штаба воз-

душно-десантных войск полковник Алексеенко. Так одновременно погибло шесть человек. Это были самые первые боевые потери, которые понесла Объединённая группировка войск в Чечне.

На ЦБУ митюхинская генеральская команда тут же попыталась обвинить во всём десантников генерала Алексея Сигуткина. Он якобы не вёл разведку, медлил, не управлял войсками... Но все доклады, переговоры и команды в радиосети вертолётов записывались на плёнку майором Ерсакком. Им было чётко зафиксировано, что установка была обнаружена вовремя и могла быть уничтожена на месте по команде генерала А. Сигуткина, если бы не последовал прямой приказ Митюхина, запрещающий пилотам вертолётов открывать огонь на поражение. Я вынужден был предъявить эти записи генерал-лейтенанту Л.П. Швецову, начальнику штаба ОГВ, и показать истинного виновника гибели наших солдат и офицеров. После этого обвинения в адрес А. Сигуткина прекратились. Вскоре Митюхина на посту командующего группировкой сменил генерал Анатолий Квашнин – будущий начальник Генерального Штаба ВС РФ.

Однако наши «разочарования» всем происходящим в тот день ещё не закончились. Через несколько часов в вечерних новостях телекомпании НТВ проходит репортаж из Чечни, сделанный корреспондентом этой телекомпании. Там оператор под захлебывающийся от восторга голос комментатора показывает, как эта самая злополучная установка БМ-21

«Град» выходит из укрытия на позицию для стрельбы, делает пуск реактивных снарядов по нашей группировке. Расчёт установки покинул позицию, стоя на подножке машины, проезжающей мимо объектива телекамеры. До сих пор помню разгорячённых и радостных чеченцев, снятых крупным планом, и кричащих: «Аллах акбар!».

Примерно через две недели я оказался на том пригорке, и по знакомому из телепередачи пейзажу понял, что нахожусь на том самом месте, на котором и находился 18 декабря телеоператор НТВ.

До сих пор не могу избавиться от впечатления, что в те трудные для солдат и офицеров дни объективы телекамер российских телевизионных каналов расстреливали нас больше, чем противник.

Кстати, через три дня разведчики 45-го полка спецназа ВДВ эту установку БМ-21 «Град» нашли. Она укрывалась в ангаре, поэтому обнаружить её с воздуха было невозможно. Но мы знали, что находится она в Старопромысловском районе. А этот район – одна длинная-длинная улица, вернее, шоссе. По обе стороны от шоссе стоят жилые дома, производственные и складские помещения.

Разведчики под командованием полковника Бориса Александровича Козюлина с помощью одного старенького переносного радиопеленгатора (второй сломался, а заменить и отремонтировать его было уже некому, так как их производство было прекращено) взяли пеленг на радиостанцию, кото-

рой пользовался расчёт этой установки. Потом на карте его прочертили и по пересечению пеленга с шоссе вычислили её местонахождение. Там находился ангар. По нему и нанесли удар артиллерией и авиацией. Всё разнесли – вместе с расчётом...

26 декабря 1994 года в 12 часов дня в железнодорожном пункте управления министра обороны генерала Павла Грачёва началось совещание. Присутствовали министр внутренних дел Виктор Ерин и директор Федеральной службы контрразведки Сергей Степашин. Был также заместитель начальника ГРУ генерал Валентин Корабельников, начальник штаба антитеррористического центра ФСК генерал Дмитрий Герасимов, командир группы «Альфа» Геннадий Зайцев и один из руководителей ФСО. Доклад делал я. До того министром обороны мне была поставлена задача проанализировать возможность проведения специальной операции по взятию пункта управления Дудаева, то есть его «президентского дворца» в центре Грозного.

Я собрал информацию из всех источников – данные нашей разведки, разведки СКВО, ГРУ, разведки Внутренних войск, данные ФСК. Доложил, какими средствами располагал Дудаев в Грозном за четыре дня до нового, 1995-го, года. По моим подсчётам, которые впоследствии оказались даже заниженными, получалось, что противостоять в ходе специальной операции нашим отрядам спецназа могут две – две с половиной тысячи боевиков. Мы знали, как организова-

ны их противовоздушная оборона и охрана Дома правительства, какие есть у них мобильные группы и чем они вооружены.

Доложил я и о наличии своих сил и средств. 45-й полк спецназа ВДВ как боевая единица к тому моменту уже завершил формирование, был неплохо подготовлен и, без солдат последнего призыва и тыловых подразделений, базировался в Моздоке на аэродроме. До этого более полугода без каких-либо указаний сверху мы усиленно занимались с полком боевой подготовкой. Мы, разведчики ВДВ, целенаправленно готовились к боевым действиям: даже командно-штабные учения провели именно на картах Северного Кавказа. Вооружение у нас по тем временам было неплохое. Позже оно появилось и в других спецподразделениях.

Получалось, что у меня участвовать в операции с оружием в руках могли четыреста тридцать хорошо подготовленных разведчиков. Грачёв спрашивает у Корабельникова: «У вас сколько?». К тому моменту Главное разведывательное управление вывело в Чечню один отряд армейского спецназа численностью около ста человек. Соединения и части специального назначения ГРУ, как и вся оперативная разведка, к концу 1994 года успели сильно пострадать от сокращений и «реформы армии».

От ФСК к выполнению задачи готова была одна группа: двадцать семь спецназовцев. Это были очень хорошо подготовленные офицеры – будущий костяк возрождённого позд-

нее «Вымпела». С осени 1993 года отряд «Вымпел», бойцы которого отказались штурмовать Белый Дом в Москве во время известных событий, находился практически в расформированном состоянии. «Вымпел» был передан в состав МВД, где и переформировывался под названием «Вега». Позже спецназ ФСК был прикомандирован к 45-му полку ВДВ и работал с нами постоянно. Дело в том, что в те времена штатным расписанием этому элитному отряду не было предусмотрено ни каких-либо средств обеспечения, ни машин для передвижения, ни топлива для них, ни пункта обеспечения боеприпасами, ни пункта хозяйственного довольствия.

Из группы «Альфа» налицо было девятнадцать человек, о чём и доложил генерал Г. Зайцев. Семнадцать спецназовцев оказалось у Федеральной службы охраны.

Грачёв сам в уме произвёл подсчёты и подвёл итог: «Это всего шестьсот человек». Потом он посмотрел на Ерина, у которого численность спецназовцев превышала всех остальных, вместе взятых. Не помню дословно, что Ерин ответил, но по смыслу его ответ Грачёву звучал примерно так: «Возьмёшь Грозный, а я его зачищу».

Грачёв минут пять-семь размышлял, глядя на карту, по которой я докладывал, потом положил обе руки ребрами ладоней справа и слева от Грозного и говорит: «Мы Грозный блокировали». Затем положил правую руку и на северную часть карты, показывая, как именно мы блокировали Гроз-

ный.

Что касается блокирования, то это было, конечно, некоторое преувеличение. С трёх сторон – с севера, запада и востока – группировки подошли к Грозному. Но о серьёзной блокаде не могло быть и речи. Юг – а это почти сплошные лесные массивы – был вообще открыт.

Далее Грачёв произнёс весьма интересную для объективных историков фразу, подводящую итог совещанию и раскрывающую его замысел дальнейших действий войск в зимней кампании 1994–1995 годов: «Грозный мы штурмовать не будем. В середине января начнём выдавливать их из города. Пусть бегут в горы, там мы их весной добьём». Это было сказано 26 декабря 1994 года в 14.00. На этом совещание закончилось, и все разошлись.

Однако на следующий день с утра Ерин, Грачёв и Степашин одним самолётом вылетели из Моздока в Москву. Вечером того же дня они вернулись обратно, и началась подготовка операции по взятию Грозного к исходу 1994 года, то есть в ближайшие три дня.

Кто мог поставить троим министрам эту абсолютно невыполнимую задачу?! Ведь Грачёв закончил не одну военную академию. Если Ерин со Степашиным могли чего-то не знать в военных науках, то Грачёв не мог не понимать, что невозможно было за три дня подготовить, организовать и провести фактически армейскую операцию по взятию города с населением четыреста тысяч человек силами той разношёрст-

ной, неподготовленной и неслаженной группировки войск. Артиллеристы были из одного военного округа, танкисты – из другого, пехота – из третьего. Все полки и батальоны были «сводными». Сам это термин «сводный» появился в те печальные времена и обозначал часть или подразделение, укомплектованные офицерами и личным составом из разных частей и подразделений. Несогласованность, несостыкованность, неслаженность нескольких десятков тысяч солдат и офицеров невозможно преодолеть за три дня. Смешно даже говорить о хоть какой-то управляемости, когда командиры батальона знали не всех своих командиров рот в лицо, а командиры рот – своих взводных.

Для подготовленных и обученных войск есть оперативные нормативы по времени на выработку решения, на планирование и постановку задачи, на организацию взаимодействия в армейском, а также в дивизионных, полковых и других звеньях. В свою очередь командиры частей и подразделений, получив задачу, должны её осмыслить, оценить обстановку, принять решение, спланировать боевые действия, организовать взаимодействие. И только потом всё это довести до нижестоящих командиров, которым также нужно определить и подготовить личный состав, технику, вооружение к предстоящим боевым действиям и довести задачу до каждого солдата. В декабре 1994 года за три дня всю эту работу сделать было практически невозможно.

Поэтому, когда наши войска входили перед новым, 1995,

годом в Грозный, не готовы были не только солдаты. Задачу не знали большинство командиров взводов и даже некоторые командиры рот!.. Шли колоннами, не зная куда, не зная, где противник, и как он будет действовать. Поэтому всё так и произошло...

К утру 1 января наша группировка уже понесла потери и остановилась. Генерал-лейтенант Квашнин, к тому времени уже командующий ОГВ, пришёл на ЦБУ с картой, на которой были нарисованы красивые красные стрелы среди маленьких синих кружков, обозначающих дудаевские позиции... Он встал рядом с картой и говорит: «Мы воткнули в Грозный лом, – показывая на красные стрелы. – Сейчас мы раскачаем лом и развалим оборону Грозного». Это всё происходило в то время, когда остриё этого «лома» – батальон 131-й Майкопской бригады – в районе железнодорожного вокзала был уже разгромлен почти полностью.

Спецназовцы 45-го полка входили в Грозный уже 1 января. Ещё 31 декабря в 16.00 генералом Л. Шевцовым (в то время он был начальником штаба группировки) мне была поставлена задача – сформировать из 45-го полка отряд и на пяти вертолётах МИ-8 высадиться в Грозном на заводском стадионе. Дальше наш отряд должен был разблокировать батальон 131-й бригады в районе железнодорожного вокзала.

Приказ есть приказ. Мы начали спешно готовиться к его выполнению. К 17.00 было подготовлено пять групп по пятнадцать человек в каждой, и мы вышли к вертолётам для по-

садки. Вообще вертолёт МИ-8 вмещает шестнадцать человек, но я сформировал группы по пятнадцать. Однако и пятнадцать полностью экипированных и вооружённых спецназовцев оказались для изношенных вертолётчиков слишком тяжёлым грузом. Лётчики отказались взять нас на борт, потребовав: «Сокращай группы до двенадцати человек». Пока я переформировывал группы и делал перерасчёт, очень быстро стемнело, и вертолётчики окончательно отказались подниматься в воздух. Но если бы мы взлетели, то, без сомнения, вертолёты над Грозным были бы сбиты. Как потом выяснилось, именно в это время на том самом стадионе, куда мы должны были высаживаться, находился дудаевский резерв, запас оружия, формировались и вооружались отряды ополчения.

После отказа вертолётчиков лететь я доложил о сложившейся ситуации Л. Шевцову и был примерно наказан, получив новую команду немедленно идти на Грозный своим ходом. Мой заместитель, полковник Валентин Михайлович Прокопенко, сформировал колонну из двенадцати бэтээров, нескольких «уралов» и с отрядом двести человек вышел из Моздока ровно в полночь с 31 декабря 1994 года на 1 января 1995 года. Отряд сделал попытку войти в Грозный, как это и было спланировано и приказано командованием, с севера, по Первомайскому шоссе.

Валентин вёл колонну осторожно, с усиленным охранением. Но как только колонна втянулась в город, из засады дуда-

евцы гранатомётами и автоматами охранение обстреляли.

Валентин быстро сориентировался – отряд принял бой, сбил засаду, но не стал пробиваться вперёд. Под огнём противника Валентин вывел все машины из боя без потерь в личном составе и технике. Осколками брони и гранаты, попавшей в щиток башни бронетранспортёра, был серьёзно ранен капитан В. Паньков.

Вторую, более удачную попытку, мы предприняли на следующий день, воспользовавшись другим путём через кладбище и по огородам жилого сектора, который днём ранее пробил мудрый генерал Лев Рохлин. Он не стал испытывать судьбу на Первомайском шоссе, где накануне «духи» как раз его и поджидали и основательно готовились к встрече.

...Так для разведчиков ВДВ началась чеченская кампания, которая продолжалась для них почти двенадцать лет. За эти годы 45-й полк спецназа ВДВ потерял тридцать пять человек, десять военнослужащих полка стали Героями Российской Федерации. Полку присвоено имя Александра Невского, и впервые за всю послевоенную историю Советской и Российской Армии указом Президента России полк стал Гвардейским. Из всех соединений и частей ВДВ полк покидал чеченские горы последним – весной 2006 года.

Подвиг разведчика

Операцию, за которую тогда ещё старший лейтенант Андрей Шевелёв получил звание Героя России, сейчас изучают в военных училищах и академиях. И знаменательна она не количеством уничтоженных врагов и подбитой техники, а количеством сохранённых жизней наших десантников. В декабре 1994 года 76-я воздушно-десантная дивизия уже готовилась в лоб атаковать «дудаевцев», которые успели хорошо организовать оборону Грозного на наиболее вероятных направлениях наших ударов.

Именно тогда командир дивизионной разведроты Андрей Шевелёв доложил комдиву: «Я выполнил приказ и нашёл путь через горы». И именно по этому пути несколько тысяч десантников с тяжёлой техникой и боеприпасами скрытно преодолели Сунженский хребет. Они без единого выстрела и без единой потери вышли во фланг противника и обратили его в бегство. Определить истинную цену этого подвига разведчиков могут только те, кто благодаря ему остался жив.

Рассказывает Герой России, подполковник Андрей Владимирович Шевелёв:

– В 1994 году я командовал отдельной разведывательной ротой 76-й воздушно-десантной дивизии. 26 ноября 1994-го в Грозном была сожжена российская танковая колонна. После этих событий нас подняли по тревоге, и в тот же день ве-

чером мы приземлились на аэродроме города Беслан в Осетии.

Такая командировка была для нас обычным делом. Ведь 76-я дивизия ВДВ участвовала в урегулировании почти всех конфликтов, которые к тому времени вспыхивали регулярно. Это и ГКЧП в августе 1991 года, и конфликт в Северной и Южной Осетии в 1992 году, и октябрьские события 1993 года в Москве. Мы находились в своеобразном тоне и привыкли, что каждые полгода нас куда-то «выдёргивают», хотя масштабных боевых действий мы нигде не вели. Поэтому и летели с настроением, что будем, как обычно, обеспечивать порядок. Это означало, что мы должны встать на блокпосты и следить, чтобы не творился произвол.

В Осетии в то время не было ничего такого, что предвещало бы начало масштабных боевых действий на территории Чечни. Да, приходили сводки, что в Чечне идёт сосредоточение вооружённых людей, идут какие-то военные приготовления. Но тон этих сводок не был тревожным.

Запомнилось удивительно доброжелательное отношение к нам осетин. Они ведь помнили нас со времени конфликта 1992 года, когда мы им помогли.

О моём благодушном настрое в то время говорит тот факт, что на Новый год я собирался уйти в отпуск, в котором не был три года. Мы с замом взяли путёвки в санаторий, рассуждая примерно так: за месяц организовываем службу и, когда всё налажено, оставляем за себя подчинённых и Но-

вый год встречаем уже в санатории. Встретили...

Хорошо помню момент, когда ко мне пришло чёткое осознание – начинается настоящая война. Это произошло после переговоров Министра обороны генерала Грачёва с Дудаевым, которые состоялись 6 декабря в 16:00 в здании администрации Сунженского района Ингушетии в станице Слепцовская.

Моя рота сидела в вертолётах в полной готовности и должна была при необходимости обеспечить безопасность Грачёва на время переговоров, на которые мы все возлагали большие надежды. Грачёв предложил Дудаеву сложить оружие и пропустить наши войска в Грозный для обеспечения конституционного порядка. Дудаев, как мы знаем, отказался. Сразу после окончания переговоров выступил по местному радио, передачи которого мы могли слушать и в Осетии. Буквально дословно он сказал: «Окропим кровью неверных нашу землю». И у меня внутри словно переключатель щёлкнул – будет война, надо готовить пацанов.

До этого мы готовили технику, дополучали имущество, боеприпасы и занимались главным образом хозяйственными делами. Но с этого момента мы начали готовить бойцов к бою в городе. Времени было совсем немного, потому что уже через несколько дней, 10 декабря, мы двинулись на Грозный через Ингушетию.

Генеральным штабом для дивизии был выбран маршрут по дорогам – ведь мы идём по своей территории! Но одно-

временно перед моей разведротой была поставлена задача искать обходные пути. Ведь в условиях ведения боевых действий основные пути могли быть блокированы (как потом и оказалось), мосты на маршруте движения колонн могли быть разрушены и так далее. Мы несколько раз ходили в разведку уже на территорию Ингушетии; знали, что ингуши сочувствуют чеченцам, и поэтому не рассчитывали на беспрепятственное продвижение по территории этой республики.

В первом же населённом пункте ингуши перегородили нам дорогу. Их было около ста человек, в основном старики и женщины. И эти старики стучат палками по броне, кричат. Я одному говорю: «Отец, отойди! Ведь это машина, не дай Бог кого-то зацепим». А он мне в ответ: «Я тебе не отец, ты пришёл на мою землю». И его ненавидящий взгляд я помню до сих пор.

Мы остановились. Командир дивизии – генерал Иван Ильич Бабичев – принимает решение разворачиваться и обходить. Понятно, что это не последний случай и продвигаться такими темпами невозможно. Не давить же людей – ведь нет ни войны, ни даже конфликта. Плюс приказ – не стрелять ни в коем случае. Да ещё у нас был опыт Осетии, когда нас очень долго таскали в прокуратуру и выясняли – кто стрелял, в кого стрелял, где находился, куда двигался и так далее. Да и вообще – поступишь сейчас жёстко, а потом в верхах между собой договорятся, и ты окажешься крайним...

Иван Ильич на бэтээре подъезжает к людям, а сам даёт

приказ разворачиваться и сосредоточиться в чистом поле, чтобы уже там принимать решение, как двигаться дальше. Мне ставится задача: искать пути обхода и вести по ним дивизию. Колонна разворачивается, уходит, и я вижу, что комдив остаётся один среди разъярённой толпы, которая его начинает окружать! Я поворачиваю назад и на своей машине въезжаю прямо в толпу. Комдив мне: «Я тебе приказал уходить!» Отвечаю: «Я не уйду, я останусь с вами». Мы с пятью бойцами оттеснили от комдива толпу и вывели его.

Я понимал его действия – ему надо было успокоить толпу. Тем более человек он решительный. Но где гарантия, что не будет провокации? Ведь это комдив, и понятно, что без него дивизия на какое-то время потеряет управление. Позже он признал, что я поступил правильно.

Мы двинулись уже по полям. И здесь я оплошал. Дело было так. Мы в головном дозоре двигались впереди дивизии, выполняя свою главную задачу – вести разведку по маршруту движения главных сил. Вижу: стоит посреди поля в просеке шалаш. Я – туда: спят двое мужиков, у одного – ружьё. И даже не приходит в голову мысль, что это противник. Думаю – это же сторожа, они поле охраняют. Мы их не тронули. Потом уже осознал, что это, видимо, был пост. Но... ведь ни войны, ни военного конфликта, кто же знал...

К тому времени у нас ещё не было ни одной потери. Поэтому трудно было тогда ещё видеть в чеченцах врагов, которые могут тебя убить, не задумываясь. Но когда нас пер-

вый раз обстреляли, внутри что-то повернулось. Было это в станице Асиновская 12 или 13 декабря. Въезжаем в станицу и видим нашу машину, которая лежит в кювете. А рядом с ней корчится от боли наш офицер. И вдруг слышу – тук, тук! Это пули по броне щёлкают. Даю команду – стволы развернуть вправо, одному отделению спешиться и эвакуировать раненого, а другому из всех видов оружия открыть огонь. К тому моменту приказа стрелять ещё не было. Но я об этом не думал – я видел перед собой раненого офицера. Мы заняли оборону, ведём огонь, а наша колонна проскакивает мимо.

Я так понял, что боевики из Асиновской отошли после того, как туда пришёл СОБР (специальный отряд быстрого реагирования. – Ред.) и начал зачищать станицу. Мне поставили задачу: искать путь в обход Асиновской. Путь мы нашли, и в результате колонна вышла к месту, куда и должна была выйти, – к Шали. Мы выдвинулись вперёд и заняли оборону на двух господствующих высотах. Прямо под нами был город.

Мы не окапывались, только камнями оборудовали стрелковые ячейки. Наблюдаю за городом в бинокль. Вижу – на площади собирается народ. Время было примерно около двух часов дня. А в горах в пять часов как будто кто-то выключатель поворачивает – в один миг наступает абсолютная темнота. Поэтому понятно, что надо уходить ближе к своим. Докладываю. Мне отвечают: «Жди, наблюдай».

В это время из толпы на площади выходят человек два-

дцать, строятся и выдвигаются в сторону моей высоты. Вооружены гранатомётами, автоматами. Я докладываю, что в нашу сторону направляется вооружённая группа людей. Мне отвечают: «Не переживай, это местные силы самообороны, с ними контакт есть». Жду.

Через некоторое время человек двенадцать из них занимают оборону на высоте ниже нас, а другая группа по арыку начинает нас обходить. Расстояние до той горки было метров восемьсот или километр. Я подтягиваю с соседней высоты нашу вторую машину (вместе веселее обороняться) и докладываю: «Меня окружают». Отвечают: «Этого не может быть. Всё нормально, идут переговоры».

Спасибо родному училищу и командирам, что хорошо учили. Каждый год мы летали на учения на разные виды местности – в леса, в болота, в горы. И вот во время этих занятий я понял, что такое бой в горах, бой ночью в горах и оборона в горах. И я знал, что как только «свет выключится», я превращусь в слепого и беспомощного мышонка. А они каждую тропинку знают, они у себя дома. Поэтому я своих ещё раз спрашиваю: «Не пора ли нам пора?..». Отвечают то же самое: «Жди. Идут переговоры».

А боевики по арыку обходят нас. Идут в полный рост чуть ли не строевым шагом – арык им по пояс примерно. Вижу автоматы, гранатомёты. И тут я для себя мысленно определяю точку перехода на арыке и решаю, что если они пойдут дальше, то я уже спокойно сидеть и ждать не буду. Даю ко-

манду снайперу держать под прицелом эту точку и доклады-
ваю начальнику разведки: «Я буду стрелять». Он мне опять:
«Жди, идут переговоры». Но для себя я уже всё решил.

В такой ситуации дать приказ стрелять бойцу – это значит: подвести его под эшафот. Поэтому забираю у него винтовку, и, как только первый «дух» из арыка вышел, я выстрелил. Выстрелил на поражение. Он упал, остальные залегли. И слава Богу – буквально сразу по радио приходит приказ, разрешающий открывать огонь. Я винтовку отдал снайперу и говорю своим: «Как только кто-то спину высунет из арыка – валите!». А две наши машины к-а-к дали по «духам», которые на высотке залегли! Они и драпанули сломя голову.

Оставшиеся «духи» в арыке зажаты. Мы им головы не даём поднять. Я думаю: «Если эти убегут, то как потом сможем мы доказать, что обоснованно применили оружие?». Поэтому держим их под огнём плотно.

Проходит где-то полчаса, и со стороны Шали едет белая «нива» с белым флагом. Мы её подпустили. Выходит дед такой колоритный, с орденскими колодками на пиджаке, с посохом в руках. Понятно, что просит переговоров. А я – старший лейтенант, меня переговоры никто вести не учил! Да и о чём говорить? Какие у меня полномочия?

Даю команду своим держать под прицелом водителя «нивы». Сам на бээмдэ (БМД, боевая машина десанта. – Ред.) спускаюсь к старику. И он говорит: «Сынок, мне эта война не нужна». У меня как пружина какая-то внутри разжалась.

Отвечаю ему: «Мне-то тем более не нужна!» Говорит: «Мне надо пятнадцать минут, чтобы забрать вон тех, из арыка. Через пятнадцать минут можете уходить, вас никто не тронет». Отвечаю: «Меня это устраивает».

Возвращаюсь на гору и вижу, как боевики грузят в «ниву» того, в которого я стрелял. Я так понял, что он был только подраненный. Они его не волоком тащили, а он вроде как-то и сам шевелился. Потом старик построил остальных, закричал на них – и давай палкой дубасить! Они впереди «нивы» в город и побежали!

Дальше продвигаться было легче. Часто чеченцы сами давали нам проводников, которые проводили нашу колонну мимо их населённого пункта. Они гарантировали: «У нас боевиков нет, техники нет. Не заходите в посёлок, а мы покажем вам дорогу в обход». И так мы дошли почти до самого Грозного. Но тут стало понятно, что дальше так уже не получится. Рубикон перейдён. У соседей появились первые потери, первые погибшие.

Группировки остановились. От нас до Грозного по прямой оставалось двенадцать километров. Мы имели данные разведки, что перед нами два или три кольца обороны: танки в землю врыты, минные поля расставлены. Надо было принимать решение о полномасштабном наступлении. Вызывает меня комдив на совещание и говорит: «Надо найти дорогу к Грозному вот здесь». А сам руку на карту положил и ею показывает – где. Я поверх его руки смотрю – а это горы,

Сунженский хребет. Отвечаю: «Есть».

Времени мне дали сутки. Природа была за нас – стоял густой туман, ничего не видно. Как говорится, погода разведчика. И в восемь утра на двух машинах мы наощупь по горам двинулись в сторону Грозного. Не знаю точно, сколько мы накрутили, но длина маршрута, который мы проложили для наших колонн, была тридцать шесть километров.

Как сейчас помню: вываливаемся мы из облаков – и перед нами город внизу! Как-то не верилось, что это Грозный. Хотя не мог это быть какой-то другой город, не было таких больших рядом. Но на всякий случай достаю карту и начинаю искать ориентиры – вышки, высотные здания. Точно, Грозный.

Докладываю по радио своим: «Я возле Грозного, до окраины километра три». Отвечают: «Ты ошибся, ты не можешь там быть. Возвращайся».

Тут вижу, что со стороны города двигается в нашу сторону «камаз». Не знаю, заметили нас или нет, но мы быстро поворачиваем назад и снова прячемся в облака. И тут приходит в голову мысль – зачем идти в лоб и воевать? Если мы прошли, то и дивизия этой дорогой пройдёт.

Но был один нюанс – мы шли на гусеничной технике, а в дивизии много колёсных машин с боеприпасами. А машина связи вообще неустойчивая, переворачивается при малейшем крене. Поэтому назад шли осторожно, не просто по своим следам. Если видим, что в каком-то месте такая машина может не пройти, то ищем объезд опасного места. А марш-

рут мы обозначили камнями через каждые пятьдесят – сто метров. Ведь было ясно, что двигаться придётся и ночью.

Пока мы возились с камнями и обозначали ими повороты, стемнело. Вернулись к дивизии мы около шести часов. Я захожу к комдиву на доклад, а у него совещание. Там уже началась постановка задачи на продвижение с боем поверху утверждённым дорогам.

– «Я нашёл дорогу». – «Где?». Показываю. – «Здесь нет дороги». – «Я был возле Грозного». Комдив у нас был человеком рассудительным, интеллектуалом. Но, как всегда в таких случаях бывает, нашёлся шашкомахатель из его замов. Не знаю, чего ему хотелось – погон, званий, наград, славы... Говорит: «Не может быть, ты врёшь!». Ну вроде бы как тут спорить: я – старший лейтенант, он – полковник!..

Но тогда я чётко понял: ведь если я не докажу, что есть путь в обход, то будет наступление, а значит – потери. Смотрю на комдива и вижу, что он решения ещё не принял, только его формирует. Тогда говорю: «Я не лгу. Если мне не верите, дайте мне старшего офицера. Я готов его прямо сейчас отвести к Грозному и вернуться. Но времени у нас останется уже меньше».

Комдив говорит: «Хорошо, бери». Дали мне начальника разведки дивизии. Я говорю: «Дайте ещё машину тяжёлую, с боеприпасами, и машину связи, которая неустойчивая. Если они пройдут, то все пройдут».

Мы прошли туда и вернулись обратно (Именно тогда у то-

го полковника, которому я не дал повоевать, затаилась змеёй обида на меня. Впоследствии дело дошло до того, что он начал нас в засады засылать на верную смерть. Как-то я набрался наглости, пошёл к комдиву и спросил разрешения на уточнение задачи: «Скажите, может быть в таком месте засада или нет?». Он говорит: «Какой дурак тебя сюда посылает? Я тебе запрещаю».)

Когда мы вернулись, комдив поверил мне окончательно и начал на ходу перестраивать план. Получалось, что к тому времени мы с моей ротой не спали уже сутки. А тут ещё перед началом движения нам надо было выставлять блокпосты на господствующих высотах, чтобы колонна не нарвалась на засаду. На блоки встали разведчики десантно-штурмовой бригады, которая шла вместе с нами. Мы их вывели первыми. А потом я со своими разведчиками – теми, кто знал дорогу, – ещё двое суток без перерыва проводили части колонны. Так и мотались – туда и обратно. Боялся, что бойцы не выдержат и заснут. Пошёл к доктору и попросил дать чего-нибудь. Он дал сиднокарб (психостимулятор, применялся военными медиками в спецподразделениях в Первую чеченскую кампанию. – Ред.), и механики мои продержались.

В полках на момент начала проведения операции серьёзных боестолкновений не было. Это нашей роте довелось столкнуться с попыткой окружения, где пришлось применять оружие по реальному противнику. Припоминая свои сомнения, я опасался, что предстоящий марш будет недо-

статочно серьёзно воспринят в подразделениях, и попросил комдива: «Можно, я скажу пару слов офицерам».

Конечно, такие моменты общения нигде не прописаны, но обстановка диктовала такую необходимость. Очень хотелось, чтобы они прочувствовали сложность предстоящего марша: «Если хотим жить, надо делать так: идём колея в колею. Малейшее неправильное движение рычагами – и ты в пропасти. Колонну придётся выстраивать не совсем так, как учили, – будем чередовать колёсные и гусеничные машины. Будут подъёмы и спуски. Колёсные машины создадут накат, а танк должен этот накат разбивать, чтобы следующие колёсные не скользили. Если что, цепляем колёсную к гусеничной тросами и вытягиваем. Личный состав на подъёмах и спусках спешивать». В результате удалось эту так называемую дорогу сохранить в проходимом состоянии даже после того, как по ней прошли десятки машин.

Когда после выставления блокпостов я потащил первую колонну, как оказалось, боевики на спуске с гор успели выставить минное поле из шести мин. И я должен был первым проехать по этому полю, и «проехал» бы... Но Господь меня берёт.

Подъезжаю к этому месту и вдруг получаю по радио команду: «Принять влево, остановиться. Пропустить машину». А я тогда обиделся – как это кто-то пойдёт впереди разведчика! Не положено, не принято, не бывает так! Тут из тумана выплывает танк и гордо проезжает мимо меня. На броне

замполит бригады с флагом, за ним в сопровождении машина полковой разведроты. Красота!

Только они в тумане скрылись – взрыв!!! Туда сразу побежал офицер с блокпоста. Возвращается и говорит: «Ну, Андрюха, ты везучий. Танк на мину наехал». Мы – туда. А танку-то что – ему только правый направляющий каток оторвало. Механик-водитель по-походному шёл, голова из люка торчала. Когда он на первую мину наехал, и она рванула, он сразу стопорнул танк. Молодец! Если бы не среагировал, то все бы мины собрал. До сих пор помню его лицо, чёрное от копоти. Получил контузию, но цел. А вот если бы мы на своей БМД на эту мину наехали, тогда бы точно всем нам конец, «розочка» бы была, а не машина. Я своим бойцам тогда сказал: «Вот смотрите, это наша смерть здесь была».

Когда первые наши подразделения спустились с гор, то оказалось, что они вышли во фланг обороны дудаевцев. Наши сразу вступили в бой, и боевики просто разбежались. По дороге, которую мы проложили, пошли и остальные. Этим маршрутом прошла не одна тысяча человек.

Мы единственные из всей Объединённой группировки вышли к заданному рубежу вовремя. А чеченские пропагандисты в то время штамповали лозунги, что ни один неверный не подойдёт к Грозному. Поэтому наш прорыв имел большое стратегическое значение. Потом уже ночью противник, опомнившись, предпринял контратаку на позиции 104-го полка. Контратака была отбита. У нас появились первые

потери. Особенно запомнился подвиг одного полкового наводчика-оператора (я уже не помню точно его фамилию). В этом бою он погиб, ведя огонь из боевой машины. Он живо сторел в ней, положив вокруг себя порядка тридцати боевиков.

После этой атаки мы собрали оружие и всё засняли на фотоплёнку. Ведь в СМИ тогда кричали, что мы воюем с мирным населением. А тут наглядно всё – оружие, экипировка, документы, и вовсе немирного населения.

После этой операции командир дивизии доложил Министру обороны, и тот приказал представить к наградам всех достойных офицеров, прапорщиков и солдат. Тогда комдив предложил представить к званию Героя России меня и погибшего наводчика-оператора. И поставил своё предложение на собрании офицеров дивизии на голосование. Непривычная процедура, но тогда многое было не таким, как в учебниках и по документам.

Я не верил, что меня действительно наградят. Подготовил представления на своих разведчиков и пришёл к начальнику оперативного отдела дивизии. Он спрашивает: «Ну что, к оружию именно кому-то представляешь?» Спрашиваю: «А можно?» – «Конечно, можно. Пиши». Думаю: «Звезду всё равно не дадут, а именно оружие...». Прихожу к комдиву и говорю: «Товарищ генерал, а разрешите мне вместо Героя именно оружие?». Он посмотрел на меня и говорит: «Иди отсюда...». Мне же всего двадцать четыре года тогда было.

Указ о присвоении мне звания Героя состоялся 27 января 1995 года, но саму Звезду мне вручили только 18 марта 1996 года. 28 декабря 1994 года при входе в Грозный меня тяжело ранили, и более года я находился в госпитале. Плюс ко всему наш Президент в тот период очень часто «работал с документами на даче». Поэтому накопилось около сорока таких же, как я, которые ожидали награждения в Кремле. Министр обороны П.С. Грачёв принял решение больше не ждать, собрал нас в Министерстве и вручил нам награды.

«Док». Первая чеченская

Врачи спецподразделений делят с боевой группой всё: жажду и голод, зной и холод. Нередко, отложив перевязочные пакеты, они берут в руки оружие и сами вступают в бой. Их так же, как и всех, настигают вражеские пули, осколки гранат, мин и снарядов. Этот рассказ – о военном медике, который с честью исполнил свой врачебный и воинский долг в Афганистане, Таджикистане, Анголе и Чечне.

Краткая биографическая справка

Генерал-майор медицинской службы Владимир Олегович Сидельников в 1975 году закончил Военно-медицинский факультет при Саратовском медицинском институте, в 1979 году – интернатуру Туркестанского военного округа по специальности «хирургия», в 1986 году – двухгодичный курс 1-го факультета руководящего медицинского состава Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова.

В 1996 году защитил кандидатскую диссертацию «Лечение ожоженных в условиях горно-пустынной местности и жаркого климата Афганистана», а в 2003 году – докторскую диссертацию «Медицинская помощь ожоженным в локальных войнах и вооружённых конфликтах». Автор 206 научных работ, в том числе шести монографий. Научный руководитель четырёх защищённых кандидатских диссертаций.

Ветеран боевых действий в Анголе, Афганистане, Таджикистане, Чеченской Республике, Югославии. В Афганистане был дважды тяжело ранен. Участник первого (декабрь 1994 – январь 1995) и второго (декабрь 1999 – февраль 2000) штурмов Грозного. Награждён орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Мужества и другими правительственными и общественными наградами.

Рассказывает генерал-майор Владимир Олегович Сидельников:

– В Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербург я приехал в сентябре 1994 года. Но из-за неразберихи с приказами я даже денег не получал. На меня какие-то бумаги не пришли, и надо было ехать в Москву их разыскать. Приезжаю в Главное военно-медицинское управление Министерства обороны и звоню своему близкому другу, генералу Юрию Ивановичу Погодину. Он меня пригласил к себе. Подхожу – он как раз выходит. На голове шапка-ушанка, одет в камуфляжную форму. А я сам в шинели, в фуражке и в обычной форме. Он: «Володя, у меня сегодня из Чкаловского (военный аэродром в Подмосковье. – Ред.) в два часа борт. Полетишь со мной во Владикавказ?». Отвечаю: «Юрий Иванович, с тобой – хоть куда». У меня шестьдесят суток отпуска без учёта дороги, отпускной билет с собой. Тем более вся семья моя осталась в Ташкенте, где я раньше служил.

Из Чкаловского мы прилетели в Моздок (город в Северной Осетии, база Вооружённых сил. – Ред.). В начале декабря Юрий Иванович говорит мне: «В Беслане, в 19-й мотострелковой дивизии есть 135-й отдельный медицинский батальон. Поезжай туда. Тебе надо за неделю, до десятого декабря, произвести боевое слаживание. По своей хирургии посмотри – есть ли всё, что надо. Если что-то срочно нужно – оформляй заявки». Я с головой в эту работу окунулся. Только попросил дать мне хоть какую-нибудь полевую форму, а то я, как идиот, так и ходил в фуражке и шинели.

В Беслане встречает меня бравый майор с усами по фами-

лии Муталибов. Он служил в Афганистане в Гадрезе, в славно-й 56-й отдельной десантно-штурмовой бригаде. Я ему: «Муса, как ты сюда попал?». Узнал он меня, обнялись, расцеловались. И началась подготовка медроты к маршу и работе.

Инстинктивно я почувствовал, что мы как-то несерьёзно готовились. Очень важно сейчас понять, чем войска занимались в подготовительный период. В соответствии с нашей тактикой мы за это время должны предусмотреть все сто двадцать восемь вариантов возможного развития событий. Если, например, мы предполагаем, что враг будет применять против нас особые отряды дрессированных крыс – переносчиков ботулизма, то надо на войну взять семь вагонов противоботулинической сыворотки.

Техника была, мягко говоря, в паскудном состоянии. Ведь кто-то «умный» додумался создавать сводные подразделения! Видок у них был ещё тот! Этот тип подразделений до этого был военной науке не известен.

Ну какой вменяемый командир отдаст куда-то на сторону нормальную технику? Конечно, отдавали то, что самим не нужно. У бээрдээм пулемёт пэкатэ стреляет, а капэвэтэ – нет (БРДМ, бронированная разведывательно-дозорная машина. ПКТ, пулемёт Калашникова танковый калибра 7,62 мм. КП-ВТ, крупнокалиберный пулемёт Владимирова танковый калибра 14,5 мм. – Ред.). У бронетранспортёра один двигатель работает, а другой – нет. И так сплошь и рядом.

Ну а какой нормальный командир отдаст в сводный отряд хорошего бойца? Конечно, туда отправят хромого, косого, больного. Вот и видел я в январе в Грозном бойцов ростом с автомат, бронежилет на них до пят, а каска на голове, как шляпка у гриба. И вот таких солдатиков посылали на передовую!

В довершение ко всему дембелей осенью уволили строго по плану – как раз накануне этих событий. А вместо них пришли вот эти ребятишечки восемнадцатилетние... На их фоне 19-я дивизия выглядела отлично.

Одиннадцатого декабря в составе сводного отряда 19-й мотострелковой дивизии группировки «Запад» мы перешли границу ещё пока Ингушетии и двинулись через Дарьял к административной границе Северной Осетии и Ингушетии. Дивизией командовал полковник Кандалин, группировкой «Запад» – генерал Петрук. Маршрут движения: Владикавказ – Назрань – Барсуки – Асиновская – Пригородное.

В Назрани всё и началось... Обстреляли машину, и появился первый раненый. Солдатик лет восемнадцати был никакой – белый, испуганный. Но ранен он был легко – получил пулевое касательное ранение где-то под левой лопаткой.

Мы все находились в тревожном ожидании. Никто, начиная от солдата и заканчивая генералом, не был уверен, будут ли в нас стрелять по-настоящему. Мнений было два. Первое: они (чеченцы) нас испугаются и разбегутся. Но офицеры из опытных знали чеченцев лучше: эти люди даже в доблестные

советские времена оружие имели по домам. Но у всех наших была мысль: «Дудаев ведь советский генерал. Красную звёздочку носил, лампы. Ну не даст он команды в русского солдата стрелять!».

Но когда я первого раненого увидел, то сразу понял – нас будут валить. А тут ещё до нас слухи докатились, что десантников наших ГРАДами (установка залпового огня. – Ред.) накрыли. Мы-то думали: у чеченцев автоматы, пулемёты, снайперские винтовки, пистолеты, а ещё сабли и кинжалы. Но мы никак не предполагали, что у них танки, бээмпэ, бэтээры, артиллерия.

Двадцать пятого декабря мне привезли уже несколько человек раненых, у всех в общем-то не опасные для жизни осколочные ранения мягких тканей. По официальной версии, их накрыли из агэеса (АГС, автоматический гранатомёт станковый. – Ред.). Но я думаю, что они что-то разбирали или ковыряли, скорее всего – наступательную гранату РГД-5. Трое были из Внутренних войск, человека четыре были из каких-то частей непонятных. У одного было ещё пулевое ранение в кисть. У другого – гноящиеся фурункулы на ногах. Все заросшие, грязные, закопчённые, в старых бушлатах советского образца. Я им: «Чего вы такие грязные?». Они: «Холодно, так мы в цинк солярку наливаем, жгём и греемся». Перевязали их и отправили во Владикавказ, в госпиталь.

Дальше всё испортилось настолько, что я даже хронологию не могу вспомнить. Наши вертолёты носились прямо над

нами и куда-то стреляли – то из пушек, то ракетами. Я в этот момент чувствовал себя очень неудобно. Ведь они над нами буквально в нескольких метрах пролетали, и что-то со звоном сыпалось прямо на колонну, на крыши машин. Как военный я не понимал, какие цели поражают вертолётчики. У меня, например, возникало ощущение, что я окружён противником. Потом оказалось, что мы действительно шли прямо через «духов».

А когда одновременно начинала бить артиллерия, то у каждого нормального человека возникал вопрос: чья? Может, это и по нашим войскам стреляют, просто пока что не в нашу сторону. Если бы нам объявили, что это бьёт наша артиллерия, было бы как-то спокойней.

Мы вообще перестали нормально спать. Ведь если у чеченцев есть ГРАДы, то нас могут накрыть в любой момент – и ахнуть не успеешь... А тут пошла оперативная информация, что у них сто двенадцать танков, шестьдесят бээмпэ, тридцать бэтээров, больше ста артиллерийских орудий... Цифры сейчас уже могу не очень точно вспомнить, но порядок их был такой. В «полный рост» встал вопрос: а куда же это мы идём и что вообще будет?

Вовсю циркулировали слухи о том, что в Ингушетии вроде захватили роту Внутренних войск. Обмены, размены... Стало понятно: мало того, что идёт война, так у нас ещё и тыла нет! Сзади у нас, мягко выражаясь, недружественная республика. Когда по Ингушетии ехали, то нас толпы народа

встречали с плакатами, орали. Такие рожи... Все казались на одно лицо. Дети наглые, камнями в нас кидают. Женщины пытались в свою пользу с нами разговаривать: «Куда вы едете? Вы же наши братья...».

Потерь вроде пока не было. Но именно тогда у меня появилось предчувствие, что надвигается что-то очень страшное.

Лично меня продолжали доставать постоянная отдаленная артиллерийская стрельба и полное отсутствие официальной информации о противнике. Телевизор мы в дороге не смотрели. Новости все – на уровне радистов.

А новости безрадостные: там взорвали это, там стрельнули друг в друга, тут перевернулась машина. Помню трагикомический случай. Ехала бээмпэ, пушка была развёрнута вбок. Навстречу ехал бэтээр. Так солдату на бэтээре стволом пушки так по лбу навернуло! Слава Богу, что он был в каске и потому получил только небольшое сотрясение.

Меня поразило, что когда мы проходили уже через чеченские населённые пункты, то я там практически никого не видел. Никто в нас не стрелял. Внутри опять затеплилась надежда, что всё будет нормально. Вот они увидят, сколько нас, испугаются и сдадутся. Когда об этом заходил разговор, многие считали, что Дудаев как-нибудь поможет разрулить ситуацию. Я не помню, чтобы о нём отзывались негативно. Говорили, что он всё-таки наш, что Ельцин его специально поставил.

Подошли к Грозному и встали около Пригородного, километрах в двух-трёх от города. В машине было радио, слушали мы «Маяк». Но сообщения были какие-то, мягко говоря, странные. Пошли слухи, что в город поехали какие-то депутаты, которые должны всё уладить. Надежда, что войны всё-таки удастся избежать, ещё теплилась. Никто не хотел воевать. Ведь это свой народ, своя страна.

30 декабря мы уже чётко знали задачу. В Грозном мы должны будем развернуться в приспособленном помещении какой-нибудь больницы, поликлиники или в школе.

31 декабря кто-то притащил ёлку. Скорее всего, из какого-то чеченского дома. Солдаты украсили её пустыми пулемётными лентами, подвесили гильзы разного калибра. Только успели нарядить (это было часов в пять-шесть дня), как началась такая какофония! По городу била артиллерия. Дым, пыль, разрывы!.. И тут прямо к нам в расположение прилетает миномётная мина! Ба-бах!.. Но на этот раз никого не задело.

Нам объявили, что оборонять себя в Грозном мы должны сами. Разведчики 693-го мотострелкового полка дали мне трофейный автомат Калашникова. К нему было четыре магазина на сорок и два на тридцать патронов. Только носить их было негде – не было разгрузочного жилета. Чтобы не казаться самым военным, я не стал магазины перевязывать по два. Сороковку поставил, а остальные просто положил в портфель. Потом кто-то из проезжающих подарил две гра-

наты эфки (Ф-1. Оборонительная граната. – Ред.). Я их тоже в портфель отправил.

Входим в город и видим: на дороге стоит бээрдээм и чадит! Люки открыты, и из них идёт даже не дым, а именно жуткий чад, как будто внутри горит ватный матрац! На антенне висит российский флаг маленький. Когда проезжали мимо, я разглядел следы двух попаданий из гранатомёта.

А потом пошло!.. Машина, ещё машина, машина... Все брошены, двери раскрыты, пулевые следы на капоте, на стёклах... Вокруг валяются бинты, вата, какие-то коробки, носилки! Откуда это всё?! Потом узнал, что это была колонна, которую существенно пощипали. Но убитых пока я не видел. И раненые к нам пока не поступали.

А в городе бои уже идут по полной программе. Полосуются около Президентского дворца, около железнодорожного вокзала, на площади Минутка. Мы продвигались по городу по улице, по-моему, Шерипова. Видим: на дороге лежит труп в каске. А мне говорят: «Это не наш, это чеченец». Смотрю – на каске полоса из яркой зелёной шёлковой материи. Одет он был в однотонный армейский бушлат, в армейские ботинки с берцами. На боку подсумок штатный на четыре магазина и противогаз. Автомата не было – наверное, забрали. Это был первый убитый противник, которого я увидел в Чечне.

Когда мы втянулись в город – вокруг четырёх- и пятиэтажки, а чуть дальше маячат девятиэтажки, – такая вдруг началась стрельба, так вокруг всё начало грохотать, бить, коло-

тить!.. Облачность низкая. Что-то с рёвом проносится над облаками! Потом взрыв: бу-бух!.. И я понял – приехали!.. А тут ещё перед нами появилась замечательная надпись: «Добро пожаловать в ад!». «Духи», кстати, писали её везде и всюду.

А дальше я увидел наших убитых. Один, второй, третий... Стоят две бээмпэ подбитые, рядом убитый, у него на спине бушлат горит... Наш 693-й полк прорывался к железнодорожному вокзалу, где героически сражалась 131-я Майкопская мотострелковая бригада, но был остановлен. Начались затяжные кровопролитные бои в самом Грозном.

Пока добрались до парка культуры и отдыха имени Ленина, натерпелись! На моей машине выбило лобовое стекло веткой, срезанной осколками. Уже перед самым парком перед глазами предстала нереальная, фантастическая картинка: на пересечении двух улиц арка (ворота с колоннами) и сквер полностью засыпаны ветками и листьями. Дома вокруг чёрные, закопчённые. Они не обгорелые, а будто землёй закиданные. Так выглядел пейзаж после бомбардировки и арт-обстрела.

Расположились мы у кафе, где и стали разворачивать медицинскую роту. Работали в кафе числа до 6-7 января, пока не перебрались в полуподвал здания, где и работали всё оставшееся время. В это время 693-й полк и приданные части заняли круговую оборону и отражали атаки врага со всех направлений.

В середине дня 1 января подошёл 503-й мотострелковый полк нашей дивизии. 1 января командование группировкой «Запад» принял генерал Тодоров, но ненадолго. 3 января нами стал командовать десантный генерал Бабичев, замечательный человек и командир! А уже 5 января нам сообщили, что 129-й полк взял три моста через реку Сунжу и захватил 86-й военный городок.

Солдат тогда выглядел примерно так: на голове каска, на каску надет маскировочный чехол из маскировочной сетки с тряпьем. Однотонный бушлат, бронежилет, штаны, ботинки. Штатное оружие: автомат, пулемёт. И всё! Никаких вещмешков. Все были обвешаны гранатомётами, «шмелями». Глаза у всех пустые. Но из них выделялись те, которые отчётливо напоминали пьяных.

Почти сразу раненые пошли нескончаемым потоком! В первую декаду января через нас проходили сотни искромсанных людей с оторванными руками, ногами, перекрученных в узел, прострелянных! Я даже не мог сообразить, какой сегодня день. Раненых привозили-увозили, увозили-привозили...

Помню, как притащили сверху парня, раненного при миномётном обстреле нашего двора. Стоял солдат. Взрыв!.. Осколок попал ему в пах. Он побежал, а перед ним – стреляющая струя крови!.. Попадает он ко мне, а я как раз был в стерильных хирургических перчатках. Поэтому удалось чётко прижать повреждённую бедренную артерию. Потом «пи-

лотом» (тугой тампон из марли. – Ред.) затампонировал. Вот так удалось спасти парня, а счёт времени шёл буквально на секунды. Живёт и здравствует парень, и это радует.

Информация от раненых, что у нас лечились, была противоречивая и безрадостная: там наши погибли, там наших взяли в плен... «Нас окружили, нас предали!..». Потом: да нет, ерунда всё это! Ведь каждый боец видит войну только своими глазами. Это была такая свистопляска, хуже которой я никогда в жизни не видел. Вообще тема – «нас предали в Москве» – была чрезвычайно актуальна, и звучала на всех уровнях.

Убитых тоже привозили к нам. 10 января во время 48-часового «перемирия» одновременно доставили более двухсот погибших. Многие лежали рядами прямо на улице на носилках, присыпанные снегом...

После «перемирия» чудовищный кошмар продолжился, но врага уже наши войска начали бить конкретно: в хвост и в гриву!

Помню, в начале января зампотех 693-го полка рассказывал, что среди тыловых возникло стихийное «снайперское движение». Ведь дисциплина в этом войске так заметно упала, что делать можно было почти всё что угодно. И вот такой тыловик берёт снайперскую винтовку (а оружия лежало видимо-невидимо, ведь раненых солдат нам доставляли с оружием) и залезает куда-нибудь повыше открывать личный боевой счёт. Через час «снайпера» за руки-за ноги тащат на-

зад – готов...

Крутился вокруг нас какой-то прапорщик, вроде связист. Откуда он приبلудился, я не помню. Вечно слегка «под мухой», какой-то суетливый. Приходит ко мне вечером и спрашивает: «Товарищ полковник, можно ваш бушлат? Я через десять минут верну». Я разрешил. Как потом выяснилось, вот этот деятель надевает мой бушлат с полковничьими звёздами и идёт по соседям шорох наводить. «Что у вас тут? Ну-ка командира ко мне, быстро!...». Но его раскусили, и он вернулся с фингалом под глазом. Это он так забавлялся от нечего делать! Если кто смотрел фильм Станислава Говорухина «Асса», то, может быть, вспомнит эпизод, где герой актёра Александра Баширова напялил на себя военную лётную форму и развлекался подобным же образом.

Примерно через неделю боёв наши солдаты совершенно преобразились. Отчётливо стало видно, что бойцы преодолели первый шок и начали воевать по-настоящему! Даже внешний вид у них изменился. Хорошо запомнил я пулемётчика. Весь лентами обмотанный, а к сетке на каску себе лисий хвост прицепил. Я потом такой же увидел в фильме «Блок-пост». И помню: такой он был бравый, хотя, скорее всего, слегка «вмазавши». Люди преобразились: вчерашние салаги стали настоящими смелыми и стойкими воинами. Народ стал чудить: кто-то оленье рога на бээмпэ прицепил, кто-то плюшевого мишку на ствол пушки посадил. Таким образом ребята психологически восстанавливались и утверждались.

Но всю Первую кампанию меня не покидало чувство обмана и предательства со стороны руководства страны, или попросту Москвы. И тут не надо быть аналитиком. Как только наша армия начинает врага давить, тут же объявляется перемирие якобы для сбора трупов погибших, решения срочных гуманитарных вопросов. Или просто без каких-либо объяснений!..

Чувство, что армию перманентно предают, было у всех. Говорить на эту тему даже не хотелось. Ведь противника надо было додавить! И до сих пор никто внятно не может объяснить, почему во время штурма город был с одной стороны (южной) полностью открыт. Наверное, хотели чеченцев в этом направлении выдавливать в горы?! Все недоумевали, почему в Грозном на улицах мало валялось трупов убитых боевиков? Убили их наши очень даже много. Но именно по этому свободному коридору их сразу развозили по аулам. Также чеченцы и раненых увозили из Грозного. Потом их лечили в Ингушетии – в Слепцовске, в Назрани, где их тогдашнее руководство Ингушетии с распростёртыми объятьями принимало. Переодевали, бороду сбрасывали – вот тебе и мирный житель, которого ранили подлецы-федералы.

К десятому-одиннадцатому января интенсивность боёв уменьшилась. Нашу бронетехнику к тому времени практически всю спалили. Но после этого началось самое ужасное: мирись-дерись. Появился депутат Госдумы Ковалёв, который по Грозному разъезжал на «ниссан-патроле» с белым

флагом, и много других идиотов.

Я уехал из Грозного перед двадцать третьим февраля 1995 года. Тогда приехал к нам генерал и сказал, что «духи» из Грозного ушли, что «мы их раздолбали». Хотя бои по-настоящему закончились только где-то в марте. Я ещё тогда подумал: «Ничего себе: «мы их раздолбали!». То время я всегда вспоминаю с ужасным чувством!..

Штурм Грозного. Совмин

Рассказывает Герой России генерал-майор Андрей Юрьевич Гушин:

– На войне в Чечне я был капитаном, заместителем командира отдельного парашютно-десантного батальона морской пехоты Северного флота. Самим батальоном командовал подполковник Юрий Иннокентьевич Семёнов.

Когда в декабре 1994 года только началась Первая чеченская кампания, заговорили о возможном участии в ней морских пехотинцев Северного флота. Тогда никто толком не знал, что же на самом деле происходит в Грозном. О кровопролитных боях и многочисленных потерях узнать было неоткуда, об этом по телевизору не показывали и в газетах не писали. Поэтому мы не представляли ни масштаба, ни серьёзности задач, которые нам предстояло выполнять, и добросовестно готовились к обычному перекрытию дорог и осуществлению паспортного контроля, не более того.

Но всё в один час изменилось, когда в первые дни января 1995 года мы узнали о гибели солдат и офицеров Майкопской мотострелковой бригады. Стало ясно: ситуация в Грозном совсем не такая, как мы наблюдали, глядя в телевизор.

А в Рождество 7 января в пять часов дня в бригаде сыграли тревогу. И уже ночью того же дня десантно-штурмовой батальон находился на аэродроме в Оленегорске. Оттуда 7 и

9 января самолётами нас перебросили в Моздок.

Часа через три после посадки в Моздоке нам приказали разгружать вертолёты, на которых привезли раненых. Я считаю, что это было ошибкой. Раненые все окровавленные, кричат, стонут... И ещё давай нашим бойцам рассказывать. «Там настоящий ад! Куда вы идёте!?!». И если до этого у всех чувствовалась просто напряжённость, то тут уже в глазах бойцов появился настоящий страх. Потом пришла и злость. (Но это было позже, когда в бою мы начали терять своих.)

Нельзя забывать, что собственно морских пехотинцев в батальоне было всего человек двести из тысячи ста, а почти девятьсот – это моряки с подводных лодок, надводных кораблей, из строительных и караульных рот. А что видел моряк в подводной лодке или на корабле? Служба у него в тёплом помещении, в уюте... Автомат в руках такой матрос держал в лучшем случае только на присяге. А тут холод, грязь, кровь...

Но вот что удивительно: этот страх стал для них спасительным, мобилизуя и дисциплинируя людей. Теперь, когда офицеры матросам объясняли, как надо укрываться, как передвигаться, чего опасаться, то они всё понимали с полуслова.

Одна рота батальона сразу ушла в Грозный, в аэропорт Северный, а остальные из Моздока до Северного пошли колонной. Всего в колонне было около тридцати машин с одним бэтээром охраны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.